

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

В. М. МЕЖУЕВ

**Социализм —
пространство
культуры
(Еще раз
о социалистической
идее)**

*ОДНА ЦЕЛЬ —
ДВА ПОДХОДА
(либерализм и социализм
о свободе и равенстве)*

Спор между либерализмом и социализмом есть по существу главный идеологический спор Нового времени. Оба они разделяют установку на свободу как высшую ценность, хотя и по-разному трактуют ее. Для либерализма она исчерпывается свободой человека как частного лица, для социализма тождественна его индивидуальной свободе, которая выходит далеко за пределы частной жизни.

Следует, как уже говорилось, отличать частное от индивидуального. Частник — частичный рабочий или частный собственник — это человек, равный части, продукт общественного разделения труда и собственности. Как индивидуальность человек равен не части, а целому, как оно представлено во всем богатстве человеческой культуры. Творцов культуры — мыслителей, художников, поэтов, людей науки и искусства — никак не назовешь частниками. В своем творчестве они предстают не как частные лица, а как авторы со своим неповторимым индивидуальным лицом. Только потому они способны подниматься до высот подлинной универсальности, т. е. создавать то, что при всей своей индивидуальной уникальности обре-

тает значение всеобщей ценности. Если цивилизация с ее разделением труда делит человека, при-

равнивает к части, то культура ставит своей целью сохранение и самоосуществление его целостной индивидуальности, пусть только и в духовной форме. Вот почему цивилизация и культура двигались до сих пор как бы по разным орбитам, не стыковались друг с другом.

Для либерализма цивилизация, родившаяся в Европе и обеспечившая победу частника во всех сферах жизни, стала высшим достижением и заключительным этапом мировой истории; для социализма она — только ступень в общеисторической эволюции, далеко не последняя. Либерализм возник как оправдание и обоснование этой цивилизации, социализм — как ее критика, переходящая порой в утопию. Последним словом либерализма стало пророчество о «конце истории», для социализма история, если понимать под ней собственно человеческую историю, историю самого человека, только начинается.

Из всех свобод либерализм особо выделяет и ценит свободу частного предпринимательства. Политическая свобода для него — только средство для экономической свободы как цели. Его идеал — общество равных прав

и возможностей, где каждый, если он достаточно трудолюбив и удачлив, может добиться жизненного успеха и общественного признания. Подобную свободу и обеспечивает защищаемое либерализмом право человека на частную собственность. По словам классика неоллиберализма Милтона Фридмана, «сущность капитализма — частная собственность и она является источником человеческой свободы»¹.

Отождествление свободы с частной собственностью оказывается, однако, в противоречии с принципом фактического равенства людей: ведь далеко не каждый обладает этой собственностью в равной мере. Либеральное требование правового равенства может быть реализовано лишь на рынке, посредством конкурентной борьбы, которая в итоге оборачивается фактическим неравенством в тех же отношениях собственности. Подобное неравенство как бы закодировано в самом рыночном механизме реализации равного права. Все имеют право на собственность, но не все реально владеют ею, не говоря уже о том, что собственность конкретных лиц сильно разнится друг от друга. Здесь как бы все свободны и наделены одинаковыми правами, но никто не равен друг другу. Даже если предположить, что в конкурентной борьбе на рынке побеждают наиболее достойные (что, конечно, крайне сомнительно), то и тогда налицо нарушение принципа социального равенства.

Отсюда и родилась первоначально социалистическая оппозиция либерализму. Если либерализм усматривает в частной собственности источник свободы, то первые и еще незрелые концепции социализма, делая своей задачей достижение фактического равенства, видят путь к нему в передаче собственности из частных рук в общие, т. е. в ее превращении в общую собственность всех. *Общее — то, что принадлежит всем вместе и никому в отдельности — отождествляется здесь с общественным*, мыслится как синоним общественного. Равенство, понимаемое как общее, как приведение всех к общему знаменателю, и есть утопия уравнитель-

ного социализма. Здесь как бы все равны, но никто не свободен. И сегодня многие связывают с социализмом эти еще совершенно примитивные представления о равенстве.

Принято считать, что либерализм защищает свободу в противовес равенству, социализм — равенство, часто за счет свободы. Такой социализм, по выражению Хайека, есть «путь к рабству». В нем все решается мнением большинства или акциями централизованного и бюрократического государства. «То, что принадлежит всем, — справедливо полагает Фридман, — не принадлежит никому»². Проблема в том, однако, что оба борются с представлениями о социализме, которые не имеют ничего общего ни с взглядами Маркса, ни с более зрелыми версиями социалистической идеи. Противопоставляя частное общему, они создают ложную видимость возможности существования свободы без равенства (либеральная утопия свободы) и равенства без свободы (социалистическая утопия равенства). Эта видимость и сейчас владеет умами многих либералов и социалистов, сталкивая их в непримиримой борьбе.

Подобная видимость при внимательном рассмотрении оказывается мнимой. Нет свободы без равенства, как и равенства без свободы. По-своему это понимают и либеральные, и социалистические теоретики. Если первые пытаются решать эту проблему на пути создания новой теории справедливости, сочетающей право и мораль, то вторые, начиная с Маркса, ищут иную, чем уравнительно-распределительная, модель социализма. С Маркса, очевидно, и следует начинать.

Несомненно, основополагающим для социализма является принцип *общественной собственности*. Можно наделять социализм разными качествами — гуманизмом, социальной справедливостью, равенством, свободой, но это только слова, пока не выяснено главное — что такое общественная собственность. В истолковании ее самое важное избежать широко распространенного сведения общественного к общему, к тому, что уравнивает всех в каком-то абстрактном

тождестве. На социальном уровне подобное сведение означает отождествление общества с общиной, с любой формой человеческой коллективности, о чем свидетельствуют широко используемые в научном языке понятия «первобытное общество», «средневековое общество», «буржуазное общество» и пр. Все исторически существовавшие формы человеческого общежития и общения подводятся здесь под понятие «общество». Но тогда и частное — синоним общественного, поскольку также существует в обществе. В каком же смысле общественное есть антипод частного? Этого терминологического затруднения можно избежать, если понимать под общественным не общее, а *индивидуально*, в котором сочетаются частное и общее. Такое общее является уже не абстрактно-общим, а конкретно-общим. Но что это означает применительно к собственности? Ответом на этот вопрос и является учение Маркса об общественной собственности.

Приходится удивляться, когда слышишь, что общественная собственность — это когда все общее, принадлежит всем. Достаточно объединить любые средства производства в руках многих, чтобы считать такую собственность общественной. Но что мешает тогда установить общественную собственность на любом этапе истории? Почему теория запрещала обобществлять все подряд — соху, мотыгу, орудия ремесла, средства индивидуального и просто разделенного труда, хотя это и делали, не считаясь ни с какой теорией?

В советской экономической науке господствовало мнение, что общественная собственность при социализме существует в двух основных формах — государственной (она же — общенародная) и колхозно-кооперативной. Первая — более зрелая форма общественной собственности по сравнению со второй. Сегодня некоторые экономисты советской выучки, продолжая отстаивать идею общественной собственности, поменяли местами лишь знаки своего предпочтения: теперь они отдают преимущество «собственности трудовых коллективов», или кооперативной собственности, называя ее непосред-

ственно общественной собственностью, тогда как собственность государства оценивается ими как опосредованная общественная собственность. Однако ни то, ни другое не имеет отношения к общественной собственности, как она понималась Марксом.

Маркс, во-первых, никогда не отождествлял общественную собственность с государственной. Любая ссылка на Маркса здесь не проходит. Подобное отождествление — чисто российское изобретение. Заслугой либерализма, как известно, было отделение общества от государства («политическая эмансипация общества»), послужившее основой возникновения гражданского общества. Маркс и не думал отказываться от этого завоевания либерализма. Правда, отделение общества от государства стало причиной бурного развития капиталистической системы отношений. Право частной собственности было объявлено важнейшим правом человека, что привело, как уже говорилось, к острейшей классовой поляризации общества и социальному неравенству. Попытку преодолеть это неравенство посредством концентрации собственности в руках государства Маркс в «Философско-экономических рукописях» назвал «грубым коммунизмом» — доведением до логического конца принципа частной собственности, превращающего все работающее население страны в пролетариев, наемных рабочих на службе у государства. Чуть позже Энгельс отождествил государство в качестве собственника общественного богатства с ассоциированным, или абстрактным, капиталистом. Это и произошло при Сталине. Созданный им государственный социализм не надо путать с государственным капитализмом, возможность существования которого допускалась Лениным при переходе к социализму. Но Ленин, как и Маркс, не отождествлял социализм с государством (хотя бы по причине разделяемого им вместе с Марксом убеждения в отмирании государства при социализме).

Так называемая политическая экономия социализма строилась во многом на сталинских догмах. Именно она возвела в ранг на-

уки сталинский миф о государственной собственности как синониме социализма. Большевики предпочитали вообще больше говорить о власти, чем о собственности, рассуждая по схеме — кто властвует, тот и распоряжается всем богатством. Никто в тот период всерьез не задумывался о природе общественной собственности и всего, что с ней связано. Подобный миф — не марксистская, а именно сталинская догма, ее корни — в традиционном для России менталитете российского бюрократа.

Вопрос об отношении государства к собственности — один из ключевых в работах позднего Маркса. Сама его постановка была вызвана обострившимся в тот период у Маркса интересом к странам Востока, в частности, к России. В исторической науке того времени считалось, что так называемый «восточный деспотизм» обязан своим происхождением государственной собственности на землю. Государство на Востоке, с этой точки зрения, является верховным собственником земли. Вначале так думал и Маркс, на чем основана его концепция азиатского способа производства. Однако после того, как он познакомился с книгой Ковалевского об общинном землевладении и рядом других работ, он приходит к несколько иному выводу: экономической основой существования государства на Востоке является не его собственность на землю, а принудительно собираемый им с населения налог (отсюда известное со слов Энгельса его желание переписать главу о дифференции в третьем томе «Капитала», чего, к сожалению, он не успел сделать). Главным препятствием на пути формирования частной земельной собственности является тем самым не государство, как о том писал Е. Гайдар в книге «Государство и эволюция», а община. Государству, существующему на налогах, частная собственность даже более выгодна, чем общинное землевладение, и потому оно, как во времена Столыпина, пытается реформировать его, встречая со стороны общины упорное сопротивление. Государство как самостоятельный экономический субъект, как собст-

венник всего общественного богатства — идея, весьма далекая от взглядов позднего Маркса.

Теперь о собственности кооперативной, разновидностью которой является собственность трудовых коллективов. Маркс, действительно, писал о том, что в будущем заводы и фабрики будут управляться на правах собственности ассоциированными производителями. Но управлять и быть собственником — разные вещи. Дирижер управляет оркестром, но не является его собственником. Функция управления сохраняется при любой форме собственности, но еще ничего не говорит о том, кто реально владеет ею. И что понимал Маркс под ассоциированными производителями — ассоциацию в масштабе всего общества или только в рамках отдельного предприятия, конкретного трудового коллектива?

Обобществление собственности в рамках отдельного предприятия юридически, конечно, вполне возможно, но никак не является переходом к общественной собственности. Такое обобществление имеет место и при капитализме. Коллективной может быть и частная собственность, например, в ряде производственных и бытовых кооперативов, в акционерных обществах и пр. Частная собственность характеризуется не числом субъектов (если один, то частник, а если много, то уже не частник), а частью находящегося в их распоряжении богатства, наличием границы между своим и чужим: (то, что принадлежит одному или нескольким лицам, не принадлежит другим лицам). Принципом частной собственности является, следовательно, *дележ* собственности на части, на неравные доли, причем пропорция, в которой она делится, постоянно колеблется в зависимости от рыночной конъюнктуры.

Но если общественную собственность нельзя свести к государственной или групповой собственности, чем она является на самом деле? Оставаясь в рамках экономического мышления, нельзя ответить на этот вопрос. В процессе перехода к общественной

собственности изменяется не субъект, а *объект* собственности, что предполагает определенный уровень развития производительных сил. Сама по себе передача собственности из частных рук в общие ничего не меняет в природе собственности. Такая передача, в лучшем случае, имеет характер формального обобществления, но не реального, исключающего дележ собственности на части.

Царство дележа есть подлинное царство частной собственности. Оно и породило мечту о равном дележе в ранних социалистических утопиях. Когда все станет общим, каждый может рассчитывать на одинаковую с другими долю общественного пирога. Принцип дележа сохраняется и здесь, но трактуется как уравнительный, распространяясь, прежде всего, на сферу распределения материальных благ. Равенство в достатке — самая возвышенная греза такого социализма. Его можно также назвать равенством в сытости, мечтать о котором вполне естественно в странах с хронической нищетой большинства населения.

Стоит ли специально говорить об иллюзорности этой мечты? Все мыслимые формы дележа не приведут к равенству хотя бы потому, что люди разные, а значит, обладают разными потребностями и запросами. Даже распределение «по труду», в котором многие видят высшую форму социальной справедливости, есть остаток, «пережиток» защищаемого либерализмом неравного (буржуазного) права, позволяющего каждому иметь в своем распоряжении только ту часть общественного богатства, которую он заработал собственным трудом. Опять же часть, а не все богатство. Дележ и тут остается основным принципом распределения. Для Маркса принцип «каждому по труду» хотя и сохраняется на низшем этапе коммунизма, никак еще не адекватен общественной собственности.

Но может быть мечта о равенстве — химера, пустой звук, несбыточное и ложное ожидание? Думать так проще всего, но за этим потянется ряд следствий, из которых главное — отказ от свободы, ибо свободы

без равенства не бывает. Решением вопроса является, видимо, не отказ от равенства, а такое его понимание, которое исключало бы любой дележ. Такое равенство следует искать не в праве каждого что-то *иметь* (пусть и «по труду»), но в его праве *быть* тем, кем сделала его природа, Бог или он сам себя, т. е. в праве жить «по способностям». Конечно, если не полное изобилие, то определенный достаток нужен любому человеку, что само по себе не гарантирует ему ни свободы, ни равенства. В погоне за материальным благополучием люди часто жертвуют тем и другим. Равными они становятся тогда, когда соотносят себя не с частью, а с целым, существуют, как говорил Маркс, по мерке не одного какого-то вида (как животные), а любого вида, т. е. универсально. Когда каждый равен целому, а не части, все равны между собой.

Равенство, по словам Э. Фромма, — это право человека не только «иметь», но и «быть». Комментируя евангельский текст, он пишет: «Иисус и Сатана олицетворяют здесь два противоположных принципа. Сатана олицетворяет все, что связано с материальными потребностями, с властью над природой и человеком. Иисус же олицетворяет начало бытия, а также идею, согласно которой отказ от обладания есть предпосылка бытия. С евангельских времен мир следует принципам Сатаны»³. В подобном раскладе социализм явно на стороне Иисуса. Даже в случае марксистской атеистической ортодоксии он намного ближе к христианству, чем любое экономическое учение, базирующееся на принципе дележа и обладания.

Но в каком смысле индивид равен не части, а целому? Путь к такому равенству, действительно, лежит через общественную собственность, понимаемую, однако, уже не как собственность *всех на что-то* — на какую-то часть общественного богатства, а как собственность *каждого на все общественное богатство*. Равенство в бытии предполагает и иное отношение к собственности. Если в качестве частного лица индивиду принадлежит только часть общественного богатства (или вообще ничего), то свободная инди-

видуальность, личность нуждается во всем богатстве. Это и есть формула общественной собственности: она предполагает не дележ богатства, а его присвоение каждым целиком и без остатка. Как свобода каждого есть условие свободы всех, так собственность каждого на все богатство есть условие общественной собственности, собственности всех. Последняя — не та обезличенная собственность, которая принадлежит всем и потому никому в отдельности, а та, которая принадлежит каждому и только потому всем. Собственность, исключающая дележ, и делает людей равными друг другу. В отличие от провозглашенного либерализмом равенства людей в их праве на собственность (и потому разделившего их по степени реального владения собственностью), социализм ставит своей целью равенство в самом обладании собственностью, т. е. превращение каждого в собственника всего общественного богатства. Иными словами, он ставит вопрос не о формально-правовом, а о фактическом, или реальном, равенстве людей.

Такую общественную собственность Маркс в «Капитале» называл также *индивидуальной собственностью*. Ее нельзя мыслить по принципу абстрактного отрицания частной собственности. Если капиталистическая частная собственность, используя труд наемных рабочих, отрицает индивидуальную частную собственность, основанную на собственном труде, то общественная собственность, отрицая капиталистическую, восстанавливает индивидуальную собственность «на основе достижений капиталистической эры», т. е. является не просто отрицанием капиталистической частной собственности, а ее «отрицанием отрицания». Она отрицает ее по объекту (объектом общественной собственности является не часть, а все общественное богатство) и восстанавливает по субъекту (каждый индивид становится собственником этого богатства). В таком понимании общественная собственность сохраняет и воспроизводит ту позитивную сторону частной собственности (при отрицании ее негативной — неравноправной —

стороны), которая составляет «необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого работника».

Что же это за собственность, которая может принадлежать каждому без ущерба для других и, следовательно, не нуждается ни в каком дележе? Здесь мы приходим к главному — общественная собственность является для Маркса не экономической категорией, а категорией совершенно иного уровня и порядка: она характеризует существование человека в качестве не агента материального производства, а возвышающегося над ним общественного субъекта. В таком понимании общественная собственность равнозначна освобождению человека от власти экономики, его выходу в «царство свободы», которое, по словам Маркса, находится «по ту сторону экономической необходимости». Все знают эти слова, но кто из экономистов в своем анализе общественной собственности придал им серьезное значение?

Объектом реального обобществления не могут быть средства разделенного труда, хотя юридически-формально их и можно обобществить в ущерб делу. Но кому из нормальных людей нужна собственность на орудия и средства чужого труда? Горожанину не обязательно быть собственником орудий сельского труда, равно как и наоборот. И не в этом состоит общественная собственность. Она есть собственность на то, без чего невозможен труд каждого. Таким «всеобщим условием труда» в современном производстве является, как известно, наука. Ее, действительно, нельзя приватизировать, поделить на части, принадлежащие разным лицам. Можно приватизировать, например, электростанцию, но нельзя приватизировать теорию электричества. Наука по природе своей принадлежит каждому, есть всеобщее достояние, что и делает ее главным объектом реального обобществления.

Само по себе существование науки, разумеется, еще недостаточно для возникновения общественной собственности. Она обре-

тает смысл в условиях, когда наука становится главной производительной силой общества, а соединение человека с наукой — основным фактором процесса производства. Производство, в котором наука играет решающую роль, Маркс называл «научным производством», отличая его фабрично-заводского, или промышленного. По мере того как наука (по его терминологии, «всеобщий труд») становится главным фактором материального производства, сводит непосредственный труд рабочих «к минимуму», превращая его во «второстепенный момент по отношению к всеобщему научному труду», возникает реальная возможность перехода к общественной собственности. Проанализированная Марксом в подготовительных рукописях к «Капиталу» тенденция капитала к превращению производства в научное производство заключала в себе, следовательно, иную версию перехода к общественной собственности, чем та, которую обычно излагают в качестве марксистской — через классовую борьбу, революцию, диктатуру пролетариата и насильственную экспроприацию. В отличие от первой вторая — политическая — версия представляется ныне архаической и безнадежно устаревшей, хотя сам Маркс и пытался как-то сочетать их.

В более широком смысле под общественной собственностью следует понимать *собственность на культуру в целом*. Наряду с наукой, в нее включается все то, что служит средством производства самого человека как «основного капитала» — искусство, образование, различные виды интеллектуальной и творческой деятельности, информационные системы, формы общения. Культура, с этой точки зрения, есть *человеческая форма общественного богатства*, которую следует отличать от ее *овеществленной* (товарной или денежной) формы — от капитала. Капитал и культура — разные формы — отчужденная от человека и непосредственно человеческая — одного и того же богатства, общей сутью которого является универсальное развитие самого человека⁴. Собственность на культуру делает человека не иму-

щественно, а духовно богатым существом, богатство которого заключается в его собственном индивидуальном развитии. Но тогда общественная собственность — не экономическая, а *культурная категория*. Ее можно назвать также обобществлением духа — всего того, в чем человеческий дух находит свое символическое выражение. Она является следствием перехода не к свободной экономике (рыночной или какой-то другой), а к *свободе человека от экономики*, от навязываемых ему экономических функций и ролей.

Стремление Маркса вывести «царство свободы» за пределы «экономической необходимости» вызвало в адрес его теории немало злобных шуток и нареканий, особенно со стороны либералов, для которых свобода тождественна частной собственности и рынку. Причем мало кто из них попытался разобраться в том, как он мыслил такой переход. Ведь речь идет у него не об отрицании экономики, что было бы, конечно, утопией и весьма вредной, а об ином источнике экономического развития, чем только непосредственный и разделенный труд рабочих, т. е. об экономике, освобождающей человека от функции рабочей силы. Капитализм знает этот источник и широко пользуется им. «Поэтому тенденция капитала, — писал Маркс, — заключается в том, чтобы придать производству научный характер, а непосредственный труд низвести до всего лишь момента процесса производства»⁵. Внедряясь в производство, наука не только сокращает количество необходимого труда и продолжительность рабочего времени, но меняет характер собственности на средства производства. Ведь наука в качестве всеобщего средства труда не может быть объектом частного присвоения, недоступным для других. И посредством прямого изъятия ее не превратишь в общую собственность. Общественная собственность имеет своим источником, следовательно, не насильственную экспроприацию частной собственности, а развитие материального производства до уровня научного.

Трактуя общественную собственность как экономическую категорию, экономисты в действительности воспроизводят точку зрения на нее не Маркса, а Лассалья, которого Маркс раскритиковал в «Критике Готской программы». Согласно Лассалю, общественная собственность устанавливается рабочими с целью более справедливого распределения трудового дохода. Задачей социал-демократии, по его мнению, является борьба за так называемый «неурезанный трудовой доход», в силу которого рабочие должны получать за свой труд сполна, без всяких вычетов и удержаний. Формула «каждому по труду», по мнению Лассалья, и выражает конечную цель освободительного рабочего движения. Против такого понимания смысла и цели классовой борьбы пролетариата (а заодно и устанавливаемой им общественной собственности) Маркс выдвинул два возражения. Во-первых, в любом обществе люди будут вынуждены отчислять часть своих личных доходов в пользу общественных нужд и потребностей. Поэтому идея «неурезанного трудового дохода» — чистая утопия. Но главное даже не в этом. Общественная собственность нужна рабочим не для того только, чтобы получать больше и жить лучше, но, прежде всего, для того, чтобы перестать быть рабочими, стать совершенно новыми людьми, свободными от функции рабочей силы и способными включаться в общественное производство в качестве совершенно другого лица. С этого, собственно, и начинается коммунизм. Переход к общественной собственности диктуется, согласно Марксу, не потребностью рабочих в более справедливом распределении доходов, а изменением характера труда, его превращением, благодаря науке, из труда необходимого и абстрактного в труд свободный и всеобщий. Такой труд требует своего соединения с культурой, социальной формой чего и является общественная собственность.

Но отсюда следует, что общественная собственность в свою очередь соединяется не с любим, а только всеобщим (обществен-

ным, как называл его Маркс) трудом, способным создавать богатство и культуру. Вот чего не поняли экономисты, увидевшие в ней лишь экономическую категорию. Для них общественная собственность соединима с любым трудом, будь то труд крестьянина или рабочего. Ее можно ввести на любом предприятии, в любой отрасли производства. Но тогда непонятно, почему общественная собственность не появилась на свет намного раньше, чем возникла ее теоретическая версия. Почему и сегодня она — только тенденция, пробивающая себе дорогу в наиболее развитом обществе, но никак не всеобщая реальность? Большевики так и поняли проблему: достаточно взять власть в свои руки, чтобы, опираясь на нее, ввести декретом общественную собственность. Земля крестьянам, фабрики рабочим, власть Советам — ни один из этих политических лозунгов не был реализован ими на практике в силу ложного понимания природы и смысла общественной собственности, ее отождествления с государственной собственностью. Последняя, конечно, способна покончить с рыночной экономикой, но ценой лишения человека даже той степени экономической свободы, которую он находит на рынке. Понятно, что эта ложная версия социализма и стала удобной мишенью для его многочисленных критиков и противников.

Для социализма последним словом в его защите общественной собственности является не экономика или государство, а совсем другая реальность, на которую менее всего обращают внимание его мнимые друзья и подлинные враги.

Без учета этой реальности защитить общественную собственность, а вместе с ней и идею социализма, действительно, невозможно. К ней и следует теперь обратиться, чтобы довести разговор о социализме до логического конца.

¹ Фридман М. Капитализм и свобода. М., 2006. С. 12.

² Там же.

³ Фромм Э. Иметь или быть? М., 1986. С. 85.

⁴ «...Чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. п. индивидов, созданной универсальным обменом? Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т. е. над силами так называемой «природы», так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других

предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу?» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, Т. 46. Ч. 1. С. 476).

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2. С. 206.

(Окончание следует)